STUDIA WARMIŃSKIE 52 (2015)
ISSN 0137-6624

Sergiusz Trubczaninow
Wydział Historyczny
Uniwersytet Kamieniecko-Podolski im. Iwana Ogijenka

Влияние археологии на развитие исторической географии как науки и учебной дисциплины в середине XIX – начале XX вв.

Słowa kluczowe: geografia historyczna, archeologia, badania interdyscyplinarne, wyższa edukacja.

Keywords: historical geography, archaeology, interdisciplinary research, higher education.

Schlüsselworte: historische Geographie, Archäologie, interdisziplinäre Studien, Hochschulbildung.

Историческая география, прежде чем стать самостоятельной отраслью научных знаний, прошла длительный процесс накопления фактического материала, формирования представления о предмете, задачах и методах исследования. К середине XIX века в Европе сложилась традиция объединять термином „историческая география" произведения трех различных жанров: 1) исторической географии Священного Писания; 2) исторической географии классических цивилизаций; 3) географической истории. Произведения двух первых жанров продолжали традицию „древней географии" гуманистической науки. Что же касается третьего жанра, то он стал следствием развития территориальных обзоров, которыми в XVII–XVIII вв. традиционно начинались исторические произведения[1].

Значительное влияние на развитие исторической географии в Европе в середине – второй половине XIX века имела оксфордская

Adres/Adresse/Anschrift: dr Sergiusz Trubczaninow, Katedra Historii Ukrainy, Uniwersytet Kamieniecko-Podolski im. Iwana Ogijenka, ul. Tatarska, 14, 32-301 Kamieniec Podolski, Ukraina, trubtschaninov@gmail.com.

[1] R.A. Butlin, *Historical Geography: Through the Gates of Space and Time*, London 1993, p. 2–18.

школа. Известный британский историк Томас Арнольд (1795–1842) считал историко-географический подход важнейшей составляющей исторического образования. С книгой Полибия в руках он даже предпринял переход через Альпы по следам Ганнибала[2]. Учениками Т. Арнольда были Эдвард Аугустус Фриман (1823–1892) и Артур Пенрин Стэнли (1815–1881). Профессор новой истории в Оксфорде Э. Фриман (известен высказыванием „История – это политика прошлого, и политика – история в настоящем"), детально изучал географическую составляющую исторического процесса. Он подготовил „Историческую географию Европы" (1881) – справочник, аккумулировавший историко-географические знания от античности до 1870-х годов[3]. Важнейшим трудом профессора оксфордской кафедры церковной истории А. Стэнли стала работа по библейской географии „Синай и Палестина в связи с их историей" (1856)[4] . Его ученик Джордж Адам Смит (1856–1942) – автор популярнейшего историко-географического обозрения „Историческая география Святой Земли" (1894), которое выдержало более 25 изданий. Известный британский историко-географ Г. К. Дарби, высоко оценивавший труд Дж. А. Смита, подчеркивал, что автор создал такие географические описания Палестины и окрестных территорий, которым многие географы могут только позавидовать[5].

Глубокий интерес к исторической географии проявляли патриотично настроенные польские ученые. Стоит назвать лишь отдельные труды: профессора Виленского университета Иоахима Лелевеля (1786–1861) по истории картографии, справочное издание „Древняя Польша" Михала Балиньского и Тимотеуша Липиньского, „Историческую географию земель древней Польши" Зигмунта Глогера (1845–1910)[6]. Эти произведения хорошо знали не только в Польше, их использовали ученые, работавшие в высших учебных заведениях Российской империи.

Следует заметить, что становление исторической географии как самостоятельной науки и учебной дисциплины в высшей школе происходило во взаимосвязи с развитием археологии. И это не случайно,

---

[2] E.J. Worboise, *The Life Of Thomas Arnold, D.D.*, London 1859, p. 216.

[3] D.R. Woolf (ed.), *A Global Encyclopedia of Historical Writing*, 2 Volumes, New York 1998, p. 328; E.A. Freeman, *The Historical Geography of Europe*, 2 vols., London 1881; Э. Фриман, *Историческая география Европы*, Пер. М.В. Лучицкой, Москва 1892.

[4] A.P. Stanley, *Sinai and Palestine, in connection with their History*, London 1856.

[5] H.C. Darby, *On the relations of geography and history*, Transactions and Papers of Institute of British Geographers 19 (1954), p. 3.

[6] J. Lelewel, *Géographie du Moyen-Âge*, Bruxelles 1852–1857; M. Baliński, T. Lipiński, *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana*, Warszawa 1843–1846, t. I–III (w 4 vol.); Z. Gloger, *Geografia historyczna ziem dawnej Polski*, Kraków 1900.

потому как в представлении ученых XIX века археология была „универсальной наукой" (метанаукой), включавшей в свой предмет разнообразные отрасли знаний, в том числе и историческую географию. Например, уже упомянутый А. Стэнли, прежде всего, был известным знатоком библейской археологии.

В 1869 года Устав духовных академий ввел библейскую археологию в состав кафедр: она была соединена с еврейским языком и стала специальным предметом богословских отделений духовных академий[7]. Профессора, занявшие кафедры библейской археологии, начали активно осваивать современные открытия иностранных ученых, данные раскопок, переводить и издавать последние труды европейских археологов, отчасти вводить результаты этого научного взросления в учебные курсы.

Известнейшим специалистом библейской археологии в России был профессор Киевской духовной академии, уроженец Волыни, Аким Алексеевич Олесницкий (1842–1907). Впервые он был командирован в Святую землю в 1873 г. За результатами своей поездки экстраординарный профессор из Киева составил описание значительной части древностей Святой земли и Иерусалима, включенное в его отчет-монографию[8]. За первый том этого отчета А. Олесницкий в 1877 г. был удостоен ученой степени доктора богословия. А. Олесницкому удалось побывать в Святой Земле еще трижды – в 1886, 1889, 1891 гг., причем каждая его поездка была связана с полевыми исследованиями. Археологическое общество считало мнение ученого-библеиста, „обладающего общепризнанным авторитетом именно в области древнееврейской и, в частности, иерусалимской археологии", решающим[9].

Посещение Святой земли произвело переворот в научном мировоззрении профессора библейской археологии Казанской духовной академии Сергея Алексеевича Терновского (1847–1916). Первоначально

---

[7] *Устав и штаты православных духовных академий [Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г.]*, Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ), Собр. 2-е, т. 44, отд. 1, Санкт-Петербург 1873, с. 552.

[8] А.А. Олесницкий, *Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны, 1873–1874*: т. 1: *Иерусалим и его древние памятники*, Киев 1875; т. 2: *Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи, Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и Ливанской области*, Киев 1878.

[9] С. Головащенко, *До питання про становлення в Київській духовній академії біблійної археології як науки: досвід Я.О. Олесницького*, Київська Академія 5 (2008), с. 73–81; Р.К. Эльмуратов, *Научные командировки в Святую землю российских ученых-библеистов (1869–1917 гг.)*, Всероссийский журнал научных публикаций 6 (2011), с. 9–12; Н.Ю. Сухова, *Ученые Российских духовных академий и Святая Земля (XIX – начало XX в.)*, Вестник православного Свято--Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви 48 (2012), с. 25–38.

профессор С. Терновский видел специфику библейской археологии как науки в опоре на тексты Библии как единственного источника. Однако в 1893 г. он был командирован в Иерусалим для совершенствования в еврейском языке, увидел реальную землю, свидетельствующую о священных событиях, установил научный контакт с автором известной реконструкции ветхозаветного Храма Конрадом Шиком. Это в корне изменило методику С. Терновского, он переработал курс своих лекций по библейской археологии и „священной географии". С особым интересом и любовью С. Терновский занимался составлением очерков по истории и топографии Иерусалима[10].

Николай Иванович Елеонский (1843–1910) занял кафедру богословия в Московском университете в 1892 г., всего же в звании профессора богословия прослужил более 30-ти лет. Был автором множества богословских трудов. Современники особенно выделяли его „Очерки по Библейской Географии" в двух томах (первоначально „Очерки" более десяти лет печатались в виде отдельных статей в „Душеполезном Чтении"). „Очерки", составленные на основании российских и зарубежных источников, содержали физическую географию Палестины, политическую географию Святой Земли и „географию астрономическую"[11].

В российских университетах существовала своя традиция историко-географических исследований, отличная от богословских академий. Следует отметить, что длительное время география считалась важной составляющей исторического образования. Например, в апреле 1844 г. специальным комитетом из академиков и профессоров под руководством товарища министра образования П. Ширинского-Шихматова было составлено „Положение о представлении в ученые степени", которе касалось университетов Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского и Святого Владимира (Киевского). Согласно ему общий исторический разряд делился на два самостоятельных: всемирной и российской истории. Новая „Таблица испытаний на ученые степени" для соискателя степени магистра русской истории предусматривала экзамены по российской истории, древней и новой географии – как главных предметов; для магистра всемирной истории – соответственно экзамены по общей истории, древней и новой географии. Докторская степень сохранялась как универсальная: исторических наук, политической экономии и статистики. При этом предусматривались два экзамена:

[10] Н.Ю. Сухова, *Ученые Российских духовных академий*..., с. 31–32.

[11] Прот. И. Соловьев, *Заслуженный профессор богословия в Московском императорском университете протоиерей Николай Александрович Елеонский*, Сергиев Посад 1910, с. 12–14.

первый – по всемирной и российской истории, древней и новой географии; второй – политической экономии и статистики[12].

На заседании Юго-Западного отделения Императорского Российского географического общества 1873 года, посвященного памяти ученого-энциклопедиста, первого ректора Киевского университета Михаила Александровича Максимовича (1804–1873), В. Антонович отметил выдающиеся заслуги М. Максимовича в археологии и исторической географии. Он утверждал, что тот создал историческую географию, положив своей монографией „О десяти древних русских городах" начало исследованиям по истории заселения края и особенно колонизации южно-русской. Труды М. Максимовича В. Антонович считал „азбукой для российских археологов"[13].

Работы М. Максимовича историко-географического содержания публиковались в 1837–1871 гг., в основанном им литературно-историческом альманахе „Киевлянин", а также в „Киевских Епархиальных ведомостях", „Киевском телеграфе", „Москвиче" и т.д. „Историко-топографический" отдел второго тома, изданного по инициативе В. Антоновича собрания сочинений М. Максимовича, насчитывает 40 работ ученого[14].

Современником М. Максимовича был Филипп Якоб Бруун (1804–1880), уроженец Финляндии, выпускник Дерптского университета 1825 года. Ф. Бруун (обычно его называли Филиппом Карловичем Бруном) с 1832 г. входил в профессорскую корпорацию Ришельевского лицея в Одессе. Исследованием проблем исторической географии Северного Причерноморья Ф. Бруун заинтересовался после находки в 1846 г. плиты с римским декретом 201 года у с. Коротне. Об этой находке он сообщил известному немецкому историку Т. Моммзену, а собственные соображения по этой достопримечательности позднее изложил в работе по истории древнегреческой колонии Тиры. В 1862 г. по поручению Одесского общества истории и древностей Ф. Бруун совершил научную поездку к устьям Южного Буга и Днепра. А летом 1864 и 1865 гг. по поручению Петербургской археологической комиссии он обследовал

[12] *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*, Санкт-Петербург 1864, т. 2: *Царствование императора Николая I*, 1825–1855, Отделение 2, 1840–1855, Штаты и Приложения, с. 30–33.

[13] В.Б. Антонович, [*Речь на заседании, посвященном памяти М.Максимовича*], Записки Юго-западного Отдела Императорского Русского географического общества, Киев 1874, т. 1: За 1873 г., с. 78–79.

[14] М.А. Максимович, *Отдел историко-топографический*, Собр. соч.: В 3-х т., т. II, Киев 1877, с. 5–404.

побережье Черного и Азовского морей, устья рек Днестра, Южного Буга, Днепра и Дона. Следствием полевых экспедиций и изучения свидетельств античных авторов стала работа Ф. Брууна о Скифии. После того, как Ришельевский лицей был реорганизован в Новороссийский университет, в 1866 г. Ф. Бруун был приглашен на должность доцента кафедры всемирной истории. В 1868 г. Новороссийский университет „в знак признания его научных достижений в области истории и географии побережья Черного моря, особенно генуэзских колоний" присвоил Ф. Брууну степень доктора истории. В феврале 1869 г. Совет университета избрал его экстраординарным профессором. Ф. Бруун читал в университете курсы исторической географии, исторического землеведения, этнографии Скифии, историю древнего Востока и истории средних веков. В 1879 г. двенадцать статей по исторической географии Северного Причерноморья разных лет вошли в авторское собрание сочинений Ф. Брууна „Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 годы)". Эта книга была удостоена престижной в России Уваровской премии. Вторая часть этого сборника увидела свет уже после смерти Ф. Брууна[15].

На III Археологическом съезде (Киев, 1874 г.), активным участником которого кстати был Ф. Бруун, для освещения вопросов исторической географии было создано особое отделение „Историко-географических и этнографических древностей". Его задачи позже так были сформулированы профессором Московского университета Д. Анучиним: заниматься решением главных вопросов археологии, вопросов по тем народностях, к которым относятся памятники, развитием их культуры[16].

Как раз накануне Киевского археологического съезда вышел в свет „Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей", который подготовили по поручению Археографической комиссии В. Антонович и преподаватель Киевской духовной академии Ф. Терновский (брат С. Терновского). Эта публикация ставила целью

[15] С.В. Трубчанінов, *„Перший історико-географ Південної Росії" (Філіп Бруун)*, Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Кам'янець-Подільський 2013, т. 23: На пошану професора С.А.Копилова, с. 344–359; Ф.К. Брун, *О местоположении Тираса*, Записки Одесского общества истории и древностей, 1853, т. 3, с. 47–66; Ф.К. Брун, *Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море*, Одесса 1862; Ф.К. Брун, *О разных названиях Киева в прежнее время*, Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года, Киев 1878, том I, с. 289–296; Ф.К. Брун, *Черноморье: сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 гг.)*, Одесса 1880, ч. 2, 418 с.

[16] *Протоколы съезда, Труды VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 г.*, Москва 1892, т. 3, с. 44.

дополнение историко-географическим материалом содержания соответствующих томов „Архива Юго-Западной России"[17].

Стоит отметить, что „Труды" археологических съездов являются важным источником как для изучения внутренней структуры предмета исторической географии и ее эволюции, так и для рассмотрения теоретико-методологических аспектов предмета исторической географии. Делегатами съездов для обсуждения поднимались следующие проблемы: география населения, колонизация, история формирования границ в прошлом, локализация на карте населенных пунктов и мест боев, исторические пути и т.д. Наибольшее число вопросов, поднятых делегатами съездов, относились к тематике „География населения. Колонизация"[18].

Среди выдающихся ученых, наследие которых заслуживает особого внимания, – Владимир Бонифатьевич Антонович (1834–1908), основатель Киевской исторической школы. Значительным вкладом В. Антоновича в развитие исторической географии является его участие в „Древностях Украины", которые издавались Московским археологическим обществом. В.Б.Антонович составил к их первому выпуску основательные историко-географические комментарии. Практически ни одна работа в области исторической географии не проходила мимо внимания В. Антоновича, о чем свидетельствуют его рецензии на страницах „Киевской старины", „Чтений общества истории Нестора летописца" и других периодических изданий. Часто рядом с критическими замечаниями они содержат и изложение историко-географических взглядов В. Антоновича[19].

В своих лекционных курсах В. Антонович раскрывал свое понимание роли географического фактора в историческом процессе. Рассуждая о причинах, которые обусловили украинскую идентичность, В. Антонович всегда на первое место среди них ставил географическое измерение. Однако, отдавая должное роли природной среды в исторической жизни народа, В. Антонович никогда не впадал в крайности и не скатывался на позиции географического детерминизма. Именно поэтому

---

[17] В.Б.Антонович, Ф.А.Терновский, *Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей*, Киев 1874.

[18] О.С. Петрова, *Развитие исторической географии в России во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Всероссийских археологических съездов)*, Историческая география, т. 1, Москва 2012, с. 196–205.

[19] О. Кіян, *Історична географія в науковій спадщині Володимира Антоновича*, Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету: Збірник наукових праць 12 (2008), с. 250.

он критиковал историко-географическое вступление в „Историю России" С. Соловьева, в котором говорилось об определяющем влиянии природного фактора на политическую судьбу восточных славян[20].

В 1880-х годах В. Антонович разработал лекционный курс по исторической географии Украины под названием „Историко-топографический очерк Южной Руси". Это был короткий, популярный обзор Украины в этнографических границах, от Закарпатья до Кубани. Не имея возможности преподавать этот курс в университете, В. Антонович предложил его слушателям во время чтения частных лекций по географии и истории Украины[21]. Хотя „Историко-топографический очерк Южной Руси" никогда не был опубликован, именно его современный исследователь творчества В. Антоновича А. Киян считает первым синтезом исторической географии Украины[22].

Оценки В. Антоновичем роли географического фактора в историческом процессе разделяли представители Киевской исторической школы, которые вышли из его университетского семинара региональной истории. Типичная черта работ учеников В. Антоновича заключалась в трактовке исторического прошлого не в общеимперском масштабе, а в историко-областном аспекте[23].

По инициативе В. Антоновича был написан цикл конкурсных студенческих работ по истории отдельных регионов, отмеченных золотыми медалями и впоследствии изданных за счет Киевского университета. Историко-географическая проблематика отражена и в диссертациях учеников В. Антоновича. Среди них в области исторической географии наибольшую известность получили работы Дмитрия Ивановича Багалия (1857–1932). В Харьковском университете он читал лекционный курс по истории украинских земель, входивших в состав Российской империи, а также учебные курсы по русской историографии, исторической географии, методике истории[24]. Он стал одним из признанных специалистов в области исторической географии в Российской империи, автором ряда фундаментальных работ[25].

---

[20] В. Антонович, *История Руси до монголов* [лекции, прочитанные в Киевском университете 1879–1880 гг.], Наукова бібліотека України ім. В.Вернадського, Інститут рукопису, ф. I, спр. 8104, арк. 6.

[21] Л. Добровольський, *Праці В.Б.Антоновича на ниві історичної географії*, Записки Історично-філологічного відділу ВУАН, Київ 1926, кн. IX (1926), с. 206.

[22] О. Кіян, *Історична географія…*, с. 252.

[23] Л. Добровольський, *Праці В.Б.Антоновича…*, с. 202.

[24] Д.І. Багалій, *Автобіографія. 50 літ на стороні української культури*, Харків 2002, с. 75–76.

[25] Д. Багалей, *Что желательно для русской исторической географии?*, Труды VII археологического съезда в Ярославле, 1887, т. I, Москва 1890, с. 73–79; Д. Багалей, *Материалы*

Когда в конце XIX – начале XX века в российских императорских университетах стали вводиться курсы исторической географии, в Киевском университете данный курс стал читать еще один ученик В. Антоновича – приват-доцент В. Данилевич[26].

На закате своей научной деятельности В. Антонович стремился систематизировать проведенные им ранее исследования. Так появляются его „Археологические карты" Киевской и Волынской губерний, опубликованные соответственно в 1895 и 1899 годах. Этим был показан пример для создания аналогичных работ по Подолью, Харьковщине, Черниговщине. Завершить научную работу в области исторической географии В. Антонович планировал грандиозным историко-географическим словарем Украины. К работе по его составлению он привлек многих своих учеников. Однако, этот проект В. Антоновичу не удалось реализовать, хотя им было систематизировано огромное количество собранного материала[27].

В 1877 г. по инициативе известного историка права, археографа М. Калачева возник Санкт-Петербургский (с 1914 г. – Петроградский) Археологический институт (далее – ПАИ). Вначале институт не являлся учебным заведением в полном смысле этого слова, а был призван дать своим слушателям дополнительную подготовку по археологии и архивоведению[28]. В официально утвержденных положениях об этом заведении 1877 и 1880 годов среди дисциплин, намеченных для преподавания, была указана „древняя география вообще, и особенно России до XVIII века включительно"[29]. В 1899 г. институт стал государственным учебным заведением в структуре Министерства народного образования.

для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетии, Харьков 1886; Д. Багалей, *Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства*, Москва 1887; Д. Багалей, *Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры: Исторический этюд*, Киев 1889; Д. Багалей, *Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний*, Харьков 1890.

[26] А.О. Гомоляко, *Науково-педагогічна діяльність В.Ю.Данилевича в Київському університеті*, Література та культура Полісся: Збірник наукових праць 56, Ніжин 2009, с. 306–313.

[27] К. Мельник-Антонович, *До видання I тому творів В. Антоновича*, w: В. Антонович, *Твори*, т. 1, Київ 1932, с. VIII–IX.

[28] А.М. Пашков, *Историческая география в отечественном архивном образовании конца XIX – начала XX вв.*, w: *Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве. Материалы XXIII международной научной конференции. Москва, 27–29 января 2011 г.*, Москва 2011, с. 472.

[29] *Положение о Археологическом институте* [утверждено 23 июля 1877 г.], ПСЗРИ, Собр. 2-е, т. 52, Санкт-Петербург 1879, с. 46; *Положение о Археологическом институте* [утверждено 11 января 1880 г.], ПСЗРИ, Собр. 2-е, т. 54, Санкт-Петербург 1881, с. 362.

По новому положению о ПАИ (июнь 1899 г.) планировалось преподавание „исторической географии и этнографии России”[30].

В августе 1877 г. преподавателем ПАИ по курсу „русская историческая география” был назначен уроженец Белоруссии Егор Егорович Замысловский (1841–1896), впоследствии получивший известность своими трудами по исторической географии[31]. Однако его преподавательская деятельность в ПАИ была недолгой, поскольку уже в конце 1878 г. он покинул институт. В 1889–1890 гг. магистрант Санкт--Петербургского университета А. Лаппо-Данилевский прочитал в ПАИ несколько лекций на тему: „Археология Восточноевропейской равнины”. В документах учреждения они были названы лекциями по исторической географии. С ноября 1892 г. курс „древней географии вообще, и особенно России до XVIII века включительно” в ПАИ начал читать С. Середонин. Материалы его лекций неоднократно издавались. После смерти С. Середонина (июль 1914 г.) курс исторической географии в ПАИ читал выдающийся археолог А. Спицин. В 1917 г. его лекции также были изданы[32].

С. Середонин считал, что задачей исторической географии является изучение проблем взаимоотношения человека и природы в прошлые исторические периоды. Однако в своем курсе он опирался на более узкое определение задач этой науки, которая изучает „прежде всего, распространение славянских племен по Восточноевропейской равнине, затем образование русского народа, дальнейшее колонизационное движение его, распад на отдельные ветви”[33] .

С 1885 г. на историко-филологическом факультете Московского университета начал читать курс по „истории землеведения”, с 1886 г. – курс „Древней географии”, а с 1887 г. – курс географии России, известный антрополог, этнограф, географ, археолог Д. Анучин. Он особо подчеркивал тот факт, что география на историко-филологическом факультете „поставлена рядом с историей, приурочена к обширному циклу наук, разъясняющих развитие человеческой культуры”. Д. Анучин считал, что география „знакомит с ареной исторических явлений”[34].

---

[30] *Положение о С.-Петербургском Археологическом институте*, ПСЗРИ, Собр. 3-е, т. 19, отд. 1, Санкт-Петербург 1902, с. 591.

[31] Е.Ф. Зданович, *К вопросу об исторической географии в работах Е.Е. Замысловского*, Веснік Гродзенскаго дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія 174, 2014, с. 69–79.

[32] А.М. Пашков, *Историческая география...*, с. 473–476.

[33] С.М. Середонин, *Историческая география*, Петроград 1916, с. 1–2.

[34] Д.Н. Анучин, *Курс лекций по истории землеведения*, Москва 1998, с. 19.

В сентябре 1907 г. в Москве открылся Московский археологический институт (далее – МАИ). В положении о МАИ среди дисциплин, намеченных для преподавания, была названа и историческая география[35]. Лекции по исторической географии в МАИ читал известный этнограф и археолог Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913). Он изучал историю, археологию и этнографию финно-угорских народов: марийцев (черемисов), удмуртов (вотяков), мордвы, осуществлял этнографические поездки, проводил раскопки в различных районах Поволжья и Западной Сибири. По мнению С. Кузнецова, благодаря влиянию этнографии и археологии предмет исторической географии должен быть шире. Им было предложено использовать антропогеографические источники, среди которых данные о климате, почве, флоре и фауне. Кроме физико-географических данных историческая география должна была также использовать источники других специальных дисциплин, например, топонимики, нумизматики, антропологии[36].

Таким образом, в середине XIX – второй половине XIX в. определился предмет исторической географии как науки. На рубеже XIX–XX вв. она получила статус учебной дисциплины в высших учебных заведениях Российской империи. На становление исторической географии важнейшее влияние имела археология. В Украине начало историко-географических исследований связано с деятельностью М. Максимовича и Ф. Брууна, известных также своими археологическими изысканиями. В последней четверти XIX – начале XX в. особое место в развитии исторической географии принадлежало профессору Киевского университета Святого Владимира В. Антоновичу, создавшему собственную исследовательскую школу. Его учениками были многие известные впоследствии историки.

WPŁYW ARCHEOLOGII NA ROZWÓJ GEOGRAFII HISTORYCZNEJ JAKO DYSCYPLINY NAUKOWEJ I PRZEDMIOTU STUDIÓW W POŁOWIE XIX W. – NA POCZĄTKU XX W.

(STRESZCZENIE)

Autor artykułu prezentuje interdyscyplinarny charakter geografii historycznej jako dyscypliny naukowej i przedmiotu studiów. Prezentacja ma na celu określenie jej specyfiki oraz zarysowanie

[35] *Положение о Московском Археологическом институте [утверджено 31 января 1907 г.]*, ПСЗРИ, Собр. 3-е, т. 27, отд. 1, Санкт-Петербург 1910, с. 52.

[36] С.К. Кузнецов, *Русская историческая география*, Москва 1910, вып. 1 (меря, мещера, мурома, весь), с. 4, 10.

historii jej powstania i rozwoju. Ponadto, przedstawiono interesujące powiązania pomiędzy archeologią i geografią historyczną, jakie daje się zauważyć na przełomie XIX i XX stulecia. Ówczesna archeologia ukazana została jako dyscyplina naukowa, która istotnie wpłynęła na rozwój geografii historycznej. Autor zarysowuje także, w jaki sposób wykładano geografię historyczną na uniwersytetach w Imperium Rosyjskim.

THE INFLUENCE OF ARCHAEOLOGY ON THE DEVELOPMENT OF HISTORICAL GEOGRAPHY AS A SCIENCE AND ACADEMIC DISCIPLINE IN THE MIDDLE OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

(SUMMARY)

This article examines the interdisciplinary nature of historical geography as a science and educational discipline to determine the features of its formation and development. The article shows the relationship of archaeology and historical geography in the middle of the XIX to early XX centuries. In particular, the article shows the influence of archaeology on the development of the historical and geographical research and teaching of historical geography in higher education institutions of the Russian Empire.

DER EINFLUSS DER ARCHÄOLOGIE AUF DIE ENTWICKLUNG DER HISTORISCHEN GEOGRAPHIE WIE DER WISSENSCHAFT UND DER STUDIENDISZIPLIN IN DER MITTE XIX – ANFANG XX JH.

(ZUSAMMENFASSUNG)

Dieser Artikel untersucht die Interdisziplinarität historischer Geographie als Wissenschaft und pädagogische Disziplin, um die Eigenschaften seiner Entstehung und Entwicklung zu bestimmen. Der Artikel zeigt die Beziehung der Archäologie und historischer Geographie in der Mitte des XIX. Jahrhunderts bis Anfang XX. Jahrhunderts. Insbesondere der Artikel zeigt den Einfluss der Archäologie an der Entwicklung des historischen und geographischen Forschung. Der Verfasser bespricht auch die Lehre der historischen Geographie in den Hochschulen des russischen Reiches.